

K 556/445

К Р О К О Д И Л

№ 42—43. МОСКВА 1944

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

УБЕДИТЕЛЬНЫЙ ОРАТОР

Рис. К. Елисеева

Наднях в Восточной Пруссии при большом стечении живой силы и техники противника состоялось очередное выступление нашего тяжёлого орудия. В речи было много ярких вспышек и огня. Хотя докладчик часто повторялся, речь блестяще достигла цели. Слушатели были подавлены. В аудитории воцарилась гробовая тишина.

Рис. И. Семёнова

— Ну, как состав ведёшь, Иван Кузьмич? Без опозданий?
— Будьте спокойны! В Берлине будем вовремя!..

Встреча

Наша пушка бьёт с опушки,
Наша пушка бьёт с высот.
Бьёт фашистов по макушке,
От фашистов дым идёт.

Наша пушка громовая,
В наступленьи годная.
Немца с корнем вырывает
Пушка самоходная.

Ходит ходко, а наводка
Никогда не подведёт.
Прямо в самую середку
Дальнобойным попадёт.

Наша пушка громовая,
В наступленьи годная.
Немца с корнем вырывает
Пушка самоходная.

Мы палили на Кубани,
По Карпатам шли с огнём,
Скоро времечко настанет,
До Берлину долбанём!

Наша пушка громовая,
В наступленьи годная.
Немца с корнем вырывает
Пушка самоходная.

Хорошо идёт работа
На меже передовой,
Если матушка пехота
Слышит пушку за собой.

Наша пушка громовая,
В наступленьи годная.
Немца с корнем вырывает
Пушка самоходная.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

АХ, мало ли что может случиться тёмной ночью! Но то, что случилось с фрау Гаммер, не поддавалось бы даже описанию, если бы не генерал Кейтель. Генерал собственноручно взялся за перо и написал приказ.

Впрочем, сначала о причинах, побудивших генерала взяться за перо.

Шарлотта Гаммер жила в маленьком городке Восточной Пруссии. Она уже больше там не живёт. И прекрасно. Недавно по городку пронеслась весть страшнее самума:

— Собирайтесь! Ничего лишнего, берите с собой только самое ценное!

И, словно подхваченные самумом, закрутились перепуганные немки и в особенности фрау Гаммер. У неё было достаточно оснований крутиться больше всех, потому что ценных вещей у неё было больше, чем у всех прочих. В этом отношении её супруг не терял времени на войне.

Шарлотта, с глазами, белыми от страха, обхватила попарёк чёрное блестящее туловище рояля. Отличный рояль из города Минска. Оставить такую ценность? Никогда! Но он словно врос в пол, и ей даже показалось, что он ощерился и дразнит белыми зубами клавишей. Она в бешенствехватила его кулаком по зубам—рояль захохотал. Шарлотта с плачем заметалась по дому.

Что же хватать? Что пихать в чемодан, в саквояж, за пазуху?

Шесть золотых часов, связка колец, три массивных портсигара и какой-то боярский сосуд из музея, «очень ценный»,— как писал тогда Иоганн из Чернигова. Всё это нашло приют в саквояже. Да кроме этого в последний момент был запихан туда же серебряный самоварчик на 8 стаканов, присланный из-под города Тулы.

Две чернобурых лисы, соболей палантин из Киева, отрезки шёлка из Каунаса, туфли из Одессы ушли в чемодан. Безумно жалко было, просто, как родных детей, оставлять кастрюльки, чашки, кофейничек, новенький унитазик.

— О-о-о! — хныкала Шарлотта, обливаясь потом и слезами.—Окаянная война! На чорта она нужна, если приходится расставаться со всем, что любишь больше всего на свете!

Наступили хмурые, осенние сумерки, когда она, спотыкаясь и падая под тяжестью драгоценной ноши, мчалась на вокзал. Её обгоняли другие с узлами, с чемоданами.

Вокзал. Темнота, суета, страх.

— Солдаты! — крикнул кто-то.

— Ах, да не создавайте паники! Это же наши, немецкие солдаты. Пока рядом со мной наш храбрый!..

— Ай-яй! Кто это рядом со мной?! — диким куриным голосом закудахтала Шарлотта.

Но было уже поздно. Чья-то жёсткая лапа закрыла ей рот, и грубый голос сказал кому-то в темноту:

— Фриц, быстро! Забирай чемодан у этой гусыни, а я займусь саквояжем.

Шарлотта едва не лишилась чувств. Но не только от страха, от жадности или горя. Что-то резнуло её по сердцу... Какое-то далёкое воспоминание.

— Дельно! — прохрипел из темноты невидимый Фриц.—Есть на чём отвести душу. Давненько я не набивал карманов. Чертовски обидно терять такую прибыльную квалификацию! Скорее управляйся, Иоганн, тут ещё не мало поживы.

Шарлотта как-то ухитрилась вскрикнуть из-под шершавой ладони. За это она получила увесистую пощёчину.

Внезапно лезвие белого света из карманного фонаря взрезало темноту. На этот раз дикими голосами закричали оба — и Шарлотта и солдат Иоганн. Фрау Гаммер и... герр Гаммер. Какая встреча!

Их крик был такой пронзительный и пугающий в черноте ночи, что они, как говорят, достиг ушей высшего командования.

И тогда сам генерал Кейтель взялся за перо дрожащими пальцами и написал приказ о том, что, вступая на землю родимого фатерлянда, следует оставить вкоренившуюся привычку и не грабить мирное население. Германское население!

Впрочем, последнее пояснять не было никакой надобности. У немецкого солдата под рукой остаётся только немецкое население. До какого-либо другого руки уже коротки.

В. КАРБОВСКАЯ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. Геббельс на конференции журналистов отметил, что в России появился новый яростный антифашистский пропагандист. «Некто Крылов», — заявил Геббельс, — ведёт бешеную антигерманскую пропаганду. Причём не только по общеполитической линии, но и позволяет себе личные выпады против меня («Лжец», «Обезьяна» и др.).

БУЭНОС-АЙРЕС. Здесь распространились слухи, что Гитлер в числе прочих ценностей перевёл в аргентинские банки своё молчание, поскольку молчание — золото. Аргентинские власти охотно приня-

ли и этот вклад, ибо прекрасно умеют хранить молчание о своих профашистских связях.

БЕРЛИН. В связи с выступлением имперского министра сельского хозяйства Бакке, призывавшего немцев отказаться от потребления мяса и перейти исключительно на овощное питание, по всей Германии организуются курсы переподготовки людоедов на вегетарианцев.

БЕРЛИН. Нарастающий в Германии мясной кризис принимает всё более острые формы. Мясные ресурсы страны уменьшились ещё на несколько пудов: Геринг сильно похудел от огорчений.

НЬЮ-ЙОРК. В кругах американских коллекционеров точно установлено, что военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Болдуин является владельцем самой крупной в мире коллекции новых калош. Это ему удалось благодаря тому, что после каждого своего очередного рассуждения об операциях Красной Армии он тут же садился в новую калошу.

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ ✓

Встретились два немца — Шульц и Мюллер. Один прибыл из Будапешта, другой — из Берлина.

— Как дела в Венгрии? — спросил Мюллер. — Что в Будапеште?

— Кошмар! — ответил Шульц. — Чорт бы их побрал, наших союзничков! Представляете себе? Приезжаю в Будапешт, схожу с вокзала, ставлю чемодан. С кем-то заговорился. Оборачиваюсь — бац! Нет чемодана!..

— Это пустяки! — сказал Шульц. — У меня было хуже. Приезжаю в Берлин. Схожу с вокзала. Ставлю чемодан. С кем-то заговорился. Оборачиваюсь — бац! Нет вокзала!

УБЕЖИЩЕ ДЛЯ ПОГОРЕЛЬЦЕВ

Рис. Ю. Гаифа

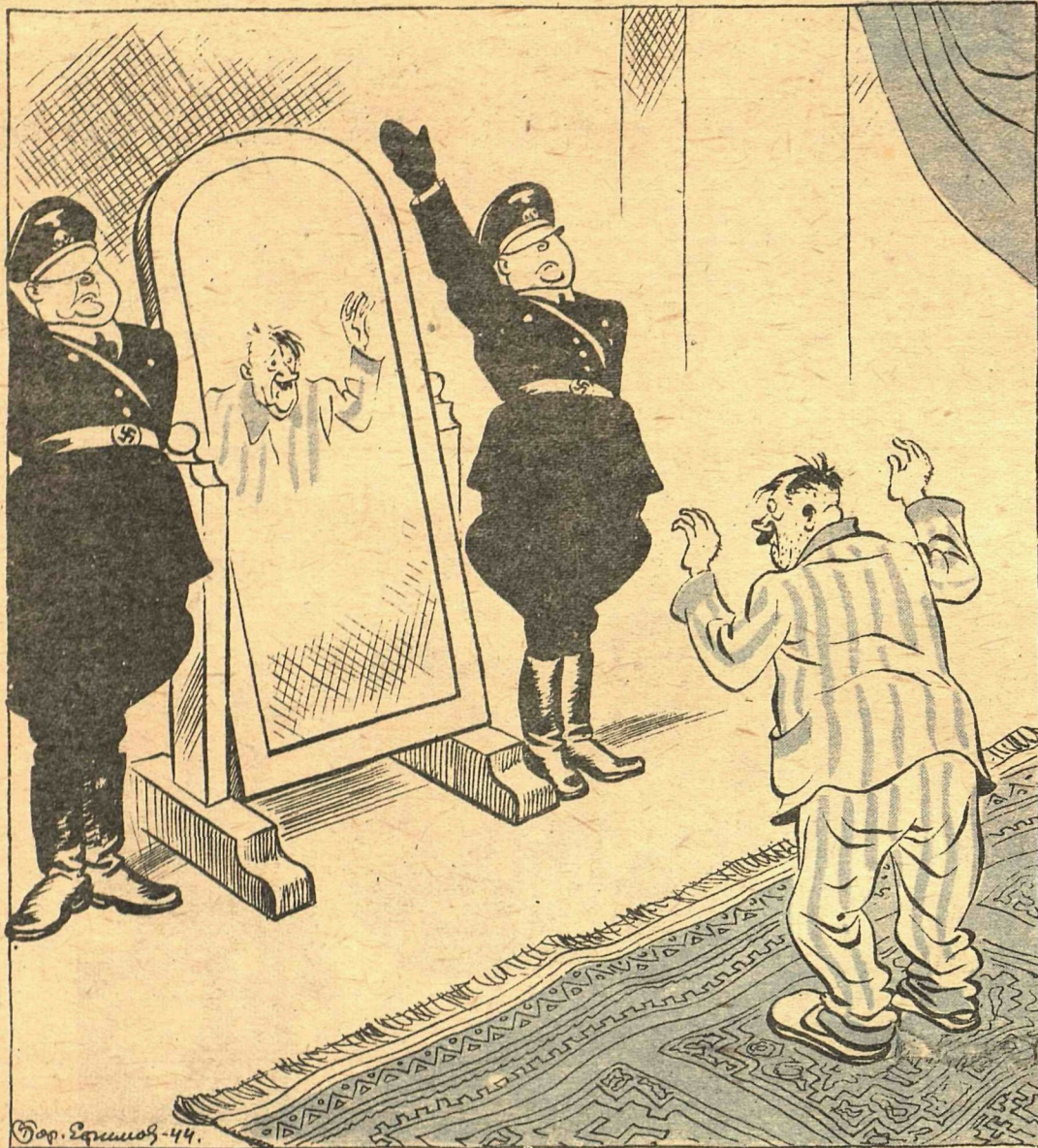

До чего же стало тесно!
Тиссо как-то вписнули,
Только вот что интересно:
Где ещё найдём мы место
Для Салаши с Квислингом?

РЕПЕТИЦИЯ

Рис. Бор. Ефимова

(Картинка недалёкого будущего)

Бор. Ефимов-44.

ГИТЛЕР:—Гитлер капут!

ВОБЩИЙ ЯЗЫК

МОЛОДОЙ лётчик Чижов сидел у окна дежурного помещения и учил английский язык. Вскоре должен был прийти мистер Харди, «кэптан Харди» — англичанин, лётчик, который обучал Чижова английскому языку.

Старший сержант Чижов вытер пот и, оторвав глаза от тетрадки, старательно повторял:

— Мальчик — бой, девушка — гирл... Нет, брат, не гирл, а герл... Нет, ты эр проглоти: геул... Девушка — геул... Эх, у мистера Харди это очень ловко выходит: геул... г-геул, — Чижов подавился. — Осечка... Кадык слабоват. Челюсть крепка, а кадык подвёл!

Он заглянул в книжку: «а» читай «э», «э» читай «и», «и» читай «ай»...

— Видал?.. Тут к каждой букве надо особый подход иметь!

— Вы, — говорят, — мистер Чижов, нашего закона не бойтесь. Память у вас блестящая!

— Память, — говорю, — это да, память у нас богата!

Чижов поднял глаза.

— Пиджак по-ихнему — кот, мёртвый по-ихнему — дед, хлеб по-ихнему — бред. Ученик по-ихнему — пьюпил: пью и пил! Опять все слова наши, русские. Я своим говорю: «Ребята, в этих двух языках много общего! Пиджак — кот, стакан — глаз, мёртвый — дед.

Щека—чик, Кирпич—брык!.. Тут только материал разобрать, что к чему, а так уже всё готовое». «Это нам подойдёт!» — говорят. — По-нашему — чик, а по-ихнему — брык. На слух, значит, одно, а только значение разное». «Да, — говорю, — так выходит! Вроде как по-месь». «А нет ли, — говорят, — такого словца, чтобы в чистый расчёт? Чтоб и по-ихнему так и по-нашему так? Общего слова? А то пока ихних котов с нашими дедами разберёшь, то все мозги вывихнешь». «Нет, — говорю, — общего слова нет! Я не знаю».

— Слова-то выучить — что! Произношение — вот штука... Дзэ, тсе! Вернее — фэз, все!.. Точнее — зды, всы! Конец язычка прижать к верхним зубам. Дзы фадзер — отец, дзы мадзер — мать. Дзы! Фсы!.. Поди вот произнеси такую мамашу...

— Хэлоо, мистер Чижов! — раздался гортанный голос мистера Харди. — Хав ар ю? Как мы живём?

— Дзэ фсэ!.. Виноват, конец языка к верхним зубам прижать не успел! — крикнул Чижов.

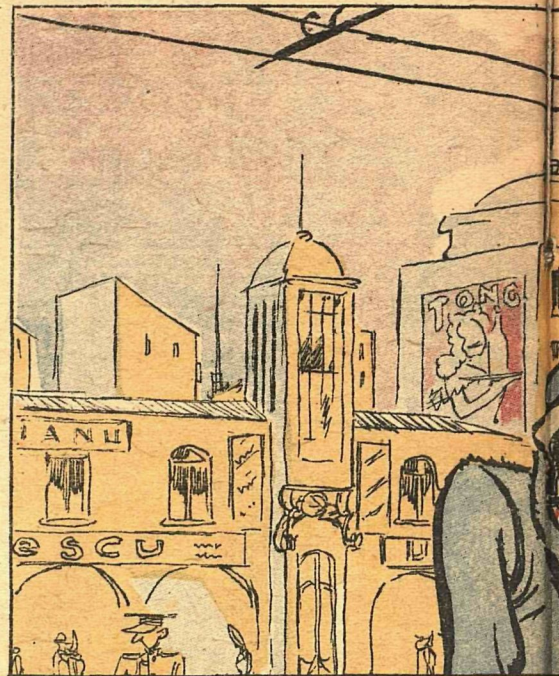
— Олл-райт, это ещё придёт! — ободряюще сказал мистер Харди. — Ну-с? Слова выучили? — Он взял книжку: — Как самолёт?

- Плен!
- Корабль?
- Шип!

ПРИЕХА

Оборудованное
ленное румын
в СССР,

Рис. Б. Кляча

Остановка п

- Корма?
- Пуп!
- Зуб?
- Туз!
- Ученик?
- Пил-пью!.. Виноват, тью-пил.
- Олл-райт! В память у вас блестящая. Только произношение хромает: самолёт — плейн!
- Произношение у нас — это да, произношение тяжёлое, — согласился Чижов.

— Ничего, это ещё придёт! — бодро сказал мистер Харди. Он заметил на столе томик в сафьяновом переплёте. — Что это тут у вас?

— Это я у букиниста нашёл, — застенчиво ответил Чижов, — вам на память Схакесpeare! Английский автор.

— Тсэнк-ю! — сказал мистер Харди. — Ага!.. Прочитаем!.. — он показал по буквам: — «Эс-ха» — это «ша», «а» — это «э»! «Э» здесь не произносится; «эа» — это «и», «э» здесь не произносится... А в общем — Шекспир!

— Шекспир?! — воскликнул Чижов. — Гамлет? Да я его наизусть знаю!.. То-то, я вижу, портрет знакомый. «Схакесpeare»!.. Ну смотри, как ловко прикрылся!

— Ничего, это придёт! — пообещал капитан Харди. — Правописание у нас, правда, сложное!.. Пишут «Психея», а говорят «Сайки».

— Сайки?!.. А вот что я вас спрошу, мистер Харди... — сказал Чижов и замаялся. — Нет ли у вас вот такого слова, чтоб и по-нашему оно так и по-нашему оно так? Общего слова?

ПЕРЕД В

Я знаю, ты не дни — часы
До встречи радостной считаешь.
Я отрастил себе усы,
И ты меня с трудом узнаешь.

И удивится
На незнакомца
Тогда доста
И милый ты

Грубее сделались черты,
Лицо поухло от загара,
И я боюсь, что скажешь ты:
— Пришёл какой-то дядя
старый!

И, сразу пер
Скажу с ус
— Я ваш л
Меня забыл

ребованию.

— Общего? — переспросил мистер Харди.—
Гм!.. Нет, я такого не знаю.

— Жалко! — сказал Чижов.— Ребята очень
интересуются.

Послышался характерный гул.

— Самолёт, — вздрогнул Чижов.— Немец.
— Джермэн плейн, — перевёл мистер Харди.

Послышался другой гул, ровнее.

— Ваня Андронов пошёл! — показал в окош-
ко Чижов.— Э тот у него, хейнкель, каким...
восьмым будет?

Завязался воздушный бой.

— Готов, — деловито сказал Чижов, — бит!

— Битэн, — подтвердил мистер Харди.— Би-
тэн.

— Бит он! — повторил машинально Чижов.

Он широко открыл рот и посмотрел на ми-
стера Харди: — Как вы сказали?

— Битэн! «Бить» по-английски — «бит», а
русское «бит», по-английски — «битэн»! — пе-
дагогически объяснил мистер Харди.

— Бит он! — крикнул Чижов.— Бит! Я-то
его ишу, слово, а оно, можно сказать, рядом
лежит! — он показал на сбитого вдали нем-
ца.— По-вашему бит, и по-нашему бит! Общее
слово!

— Олл-райт! — ослабившись, сказал ми-
стер Харди.— Бит, битэн, — он взял Шекспи-
ра.— Тсэнк-ю. У вас большие способности к
языку: к общему языку, мистер Чижов...

Он с удовольствием взглянул на орден и две
медали, сверкавшие на груди лётчика.

— Гуд бай, мистер Чижов!

— Гуд бай, кэптэн Харди!

Георгий ЛАНДАУ

ВСТРЕЧЕЙ

семья
капитана,
письма я
портрет

достану.

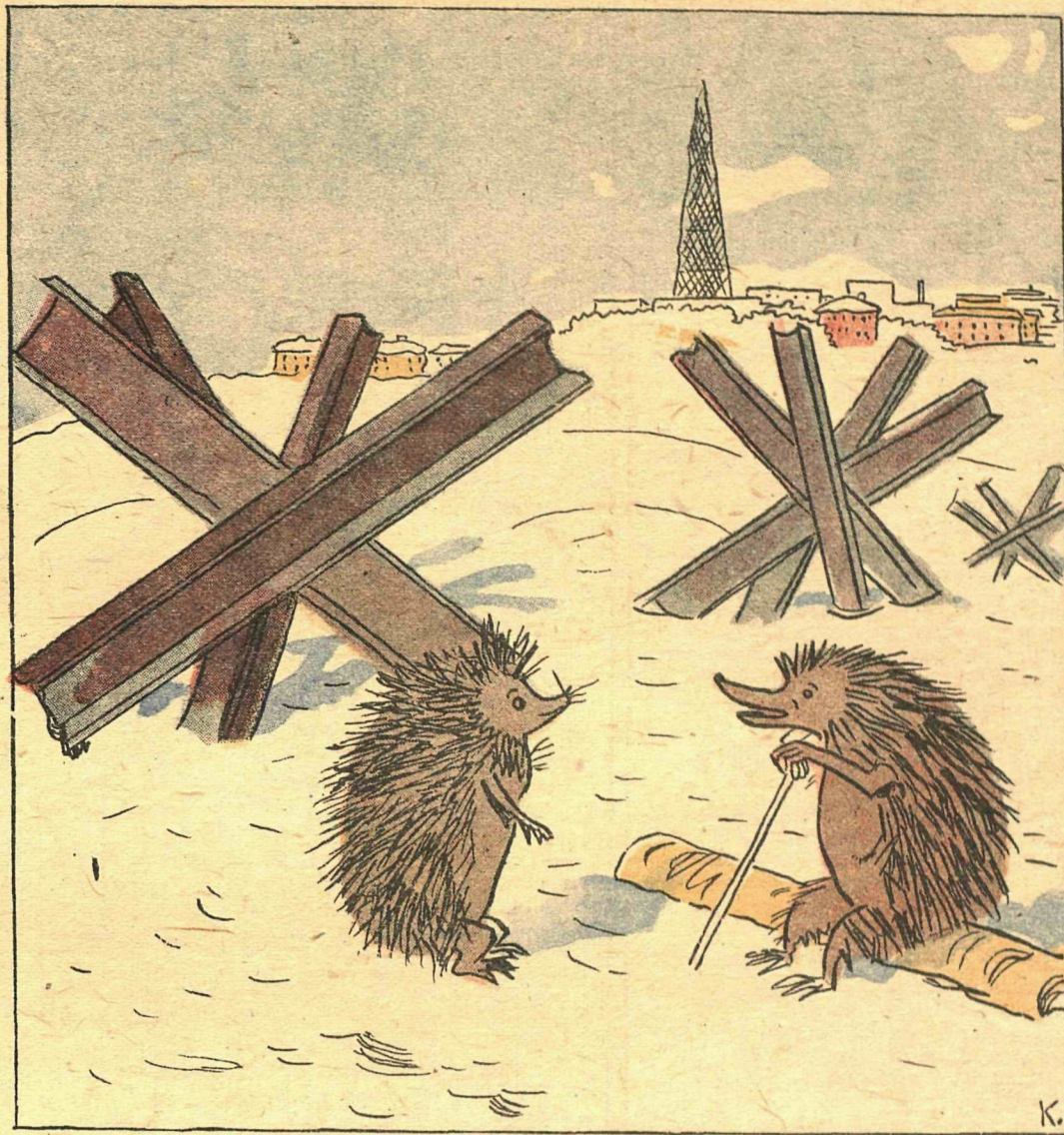
да на «вы»,
ктою обидной:
имый, но — улы! —
ы, как видно!..

...Родная! Я шучу, любя,
Но в шутке есть следы печали:
И ты меня и я тебя
Почти три года не видали!

И нам с тобой придётся вновь
Знакомство начинать, быть
может,
Но не горюй: со мной любовь,
Она при встрече нам поможет!
Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ПОДМОСКОВНАЯ ЛИРИКА

Рис. А. Каневского

— Бежим скорей! Говорят, всем ежам пришёл конец!..

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГАНС

Немецкий школьник невпопад
Спросил у матери: — Мамахен,
Где Рига, Таллин и Белград?
Где Бухарест, Париж, Аахен?

Ни слова не сказала мать,
Но за неё ответил папа:

— Не смей вопросы задавать,
Не то возьмут тебя в гестапо.

Отсюда вывод: юный Ганс,
Дерзнувший спрашивать без спросу,
Имеет несомненный шанс
Попасть в концлагерь по доносу.

С. МАРШАК

СЛОН И МОСЬКА

(Продолжение знаменитой басни)

СОБАКИ говорили о Моське:
— Ай, она сильна! Она лаяла на Слона.
Моська бегала, задрал хвост, и горди-
лась:
— Я забияка!

Времена, однако, изменились на собачьей
улице: коих собак за бешенство пристрелили,
коих на цепь посадили. Моська призадумалась.
Хотя собака она и маленькая — больше тьякала,
чем кусала, — всё-таки сообразила, что в забия-
ках числиться теперь не так уж лестно. Она
решила стать миролюбивым псом.

Виляя хвостиком, она подошла к Слону:

— Слон, а Слон! Я тебя признать хочу.

Но Слон, который раньше лая моськина как
будто не примечал, теперь не обращал внима-
ния на её ласковое повизгивание.

— Слон! Слон! Я тебе честь оказать хочу.
Протяни мне лапу в знак дружбы.
И сама задирала кверху переднюю лапку.

Но Слон не примечал.
Моська ну вертеться, и приседать, и подска-
кивать:

— Слон, ты меня не бойся, я не укушу. Я
смирная! Я тебя признала. Признай и ты меня!
Но Слон не примечал.

— Соседка, перестань срамиться! — сказала
Моське старая Шавка. — Веди себя прилично.
Не будь собакой! Слон словам не верит.

Моська призадумалась: «Ах! Зачем я в за-
бияки лезла? Слон-то, оказывается, кое-что
примечал, когда я на него и рвалась и мета-
лась».

Так Моська до сих пор думает...

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Где-то на фронте...

КОГДА фронтовой филиал театра Вахтангова, руководимый А. Орочко, приезжал в столицу он показал здесь свой новый спектакль — «Где-то в Москве».

Премьера собрала очень много публики. Когда идёшь, скажем, в МХАТ на «Последнюю жертву»,—это всё равно, что начинаешь игру со всеми козырями на руках: во-первых, Островский, во-вторых, Художественный театр, в-третьих, Москвин, Тарасова, Топорков.

Собираясь на какую-нибудь другую премьеру, зритель тоже знает, что его ждёт. Так например, отправляясь в Театр драмы, он на всякий случай захватывает плащ, зонтик и высокие резиновые боты.

— Зачем?—удивляется жена, плохо разбирающаяся в новейших режиссёрских исканиях.—Ведь на улице совсем сухо...

— На улице сухо, а в театре «Сыновья трёх рек» сразу... Ставил Охлопков. Значит, милочка, надо быть ко всему готовым... Вдруг начнут бить из брандспойтов прямо в публику...

Как видите, опытный посетитель премьер умеет разбираться в обстановке.

Поэтому, когда его зовут на просмотр малоизвестной комедии к молодым вахтанговцам, он плетётся только из вежливости. Старого воробья на фронтовой мякине не проведёшь: «Где-то в Москве», которое будут играть где-то на фронте, а покажут где-то в училище Щукина.

А попав туда, этот самый старый воробей почувствовал себя так, точно он выиграл сто тысяч по трамвайному билету.

В антракте все только ахали и удивлялись: — Кто этот Соловьёв, который так обаятельно играет носильщика? Откуда он?

— Из театра Вахтангова.
— Почему же мы его не знаем? Чудесный артист!.. А Граве? А Васильева? А Липский? А Покровский?

Все остальные тоже оказались из театра Вахтангова и тоже пребывали там не первый год.

— В чём же дело?—недоумевали взволнованные завсегдатаи.—Почему мы их совсем не знаем? Почему мы их никогда не видели?

На что представитель фронтового филиала только махал рукой:

— Знаете! Видели!.. Видели их в толпе партизан и французов в «Фельдмаршале Кутузова»; среди испанских крестьян в «Дон Кихоте» и русских солдат в «Человеке с ружьём». Иначе говоря, в хоре. А кто запоминает лица из хора?!

Чем же всё-таки объяснить, что весь хор вдруг вышел в солисты?

Чем объяснить, что молодые вахтанговцы в действительно трудных, в действительно походных условиях создали весёлый, задорный, талантливый театр?

На эту тему в фойе было очень много разногласных толков.

— Всё очень просто, товарищи,—объяснял какой-то знаток.—В столице многие артисты, к сожалению, недостаточно загружены: везде огромные труппы, редкие премьеры...

— Правильно!.. К тому же на пути юного дарования порою стоят пожилые тётки, претендующие на амплу шаловливых подростков, и старенькие дяди, упорно цепляющиеся за роли первых любовников...

Но им энергично возражали:

— Почему же тогда в других фронтовых театрах большинство спектаклей не возвышается над ремесленным уровнем?

— Даже очень не возвышается. Настолько не возвышается, что пришлось ввести специальную скидку, так сказать, на кочевую обстановку.

— А ведь вахтанговский филиал — настоящий походный театр, прошедший с армией всю Украину, а не кочующий где-то на переднем крае столовой Дома актёра.

Объяснить всё это можно очень просто. Когда я подымался по лестнице училища Щукина, направляясь на премьеру «Где-то в Москве», у самых дверей меня боднул головой один молодой ещё жрец богини Мельпомены.

Остановились. Обменялись новостями. Жрец сказал, что он хочет перейти из Театра драмы в театр Ленинского комсомола.

— Почему?—больше из вежливости осведомился я.

— Потому что это мне всё-таки ближе,—ответил жрец густым, хорошо поставленным голосом.

— Ну, что ж, дорогой, это хорошо. Если Берсенева вам творчески ближе Охлопкова, надо переходить.

Мой жрец почему-то даже обиделся:
— При чём тут Охлопков и Берсенева? Я говорю, что мне из дому всё-таки ближе в театр Ленинского комсомола, чем в Драматический. Сюда я могу пешком ходить, а туда надо трамваем добираться... Понятно?

Мне стало понятно даже больше того, что он хотел сказать.

Чтобы поскорей отделаться, я поторопился согласиться:

— Ну что ж, веская транспортная причина. Вероятно, и Иван Михайлович Москвин стал работать в Художественном театре только потому, что жил где-нибудь по соседству... Переходите...

Жрец глубоко вздохнул:
— Вам-то легко говорить — переходите, а мне-то решиться не так просто...
— Трудно расстаться с театром?—спросил я более тёплым голосом.

— Да, нет... Ордера должны дать... Промтоварные... Уже полгода, как это тянется. А уйдёшь—здесь потеряешь и на новом месте, пожалуй, не дадут,—и он остановился на лестнице в позе Гамлета, решающего «быть или не быть» промтоварным ордерам...

Надеюсь, всё понятно, товарищи? Искусство требует волнения в крови и того, что русские писатели именовали «жаром души».

Если этот жар есть, если есть увлечение порыв, то и в кочевых, походных условиях, «где-то на фронте», будут создаваться настоящие спектакли и настоящие театры, как создавался вахтанговский филиал под руководством А. Орочко.

А если в душе вместо артистического жара только хладный пепел промтоварных ордеров, честное слово, не помогут ни гениальные пьесы, ни великие драматурги, ни знаменитые режиссёры.

Евг. БЕРМОНТ

О КОЛЕ ИЗРЕМЕСЛЕННОГО

Недаром говорится,
Что дело мастера боится.

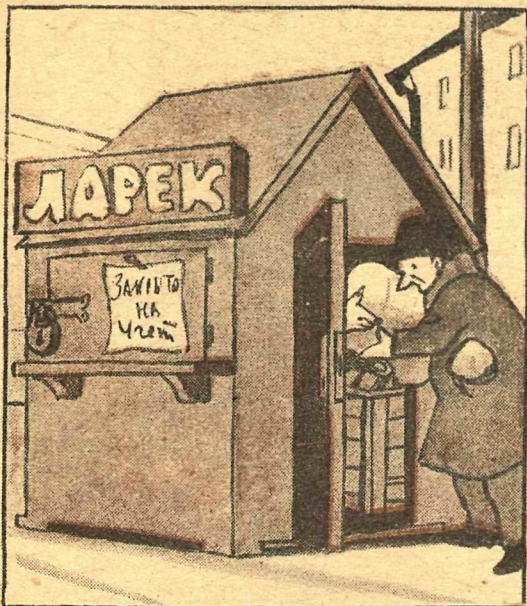
ОБ УПРАВДОМШЕ
МАРЬЕ ИВАНОВНЕ

Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.

О ЗАВСТОЛОВОЙ
ВАСИЛЬ ВАСИЛЬИЧЕ
А Васька слушает да ест.

Милые соседи

О ЗАВЛАРЬКОМ
БЛАТИКОВЕ

А ларчик просто открывался.

О МАРИНКЕ И ПЛОХОЙ
КАРТИНКЕ

Какие бабочки, букашки,
Козявки, мошки, гаракашки!

О ФИФЕ

Одни поддельные цветы
Дождя боятся.

ОДНО дело, если в тесном вагоне трамвая копейный жулик залез к вам в карман. Но горько и обидно, если вас обокрали соседи. Внешне это как будто чистенькие люди: мужчины — в галстучках, женщины — в перманенте. Вы встречались с ними, принимали, как порядочных, у себя, мирно беседовали о том, о сём, а при случае — и о чести и совести.

Но вы куда-то на время уехали. В вашей квартире никого не осталось. А меж тем милые соседи привыкли посещать вас. Они не склонны отказаться от этой привычки и в вашем отсутствии. Замок на дверях — не препятствие для добрососедских отношений.

Вы где-то там далеко, а тут в вашей комнате — гости. Не беспокойтесь: они долго не засидятся. Они очень занятые люди. Они забегали всего минут на двадцать, самое большое на полчаса.

К чему им, в самом деле, попусту тратить лишнее время! Они вашу квартиру знают, как свои пять пальцев. И вот эти самые «пять пальцев» торопливо роются в вашем шкафу, в чемоданах. И, закончив свой визит, гости уносят с собой, кроме приятных воспоминаний, и кое-какие вещички.

Обидно — не за вещички, ей-ей, — а за этих человечков, которые так низко пали. Ведь они где-то служат, что-то делают, общаются с другими гражданами — как можно им доверять, как можно этих шkodливых козлов пускать в советский огород?..

Для примера расскажем о том, как обчистили квартиру Василия Павловича Лебедева.

Василий Павлович не молод; достаточно сказать, что в его партбилете имеется красноречивая цифра — 1904. Это дата вступления в партию.

В 1941 году Василий Павлович уходит добровольцем на фронт. Вместе с ним ушли защищать родину двое его сыновей и дочь.

В посёлке Фирсановка, под Москвой, у Лебедевых дача. Когда вся семья ушла на фронт, там осталась жить престарелая мать Лебедевых. Через несколько месяцев она зазногла и вскоре умерла. Дом остался без хозяина.

И хозяйничать стали два милых соседа — Татьяна Авгуль и Павел Гомин.

Советские люди в те дни, не щадя жизни, боролись за Минск, Киев, Днепродзержинск. В войне с немецкими захватчиками проливали свою кровь Лебедевы.

А в это время в Фирсановке два мелких хищника жадно хватили из чулана Лебедева всякое барахло. Не по нужде, не по бедности, а только из алчности: «Иные и прочие пущай воюют, а мы потихоньку будем жить-поживать да добро наживать».

Вернулся Василий Павлович с фронта — вернулся, заболел. Приехал в Фирсановку — дача пуста, одни голые стены.

Узнал он, кто так постарался. Подал в суд. Но судьи всякие бывают. Есть толковые, а ещё есть Яковлева, народный судья 2-го участка Химкинского района. Она неожиданно для всех и к великому удивлению самих обвиняемых выносит определение: «Кражи вещей у потерпевшего Лебедева судом не установлено».

Может, в самом деле, никакой кражи не было? Может, потерпевший и потерпевший Лебедев специально ездил на фронт, чтобы, вернувшись оттуда, оклеветать невинных голубков Павла Гомина и Татьяну Авгуль?

Но вот свидетельские показания: люди собственными глазами видели вещи Лебедева у невинных голубков.

А может, свидетели по злобе катовариавают?

Но вот при обыске у Гомина найдена часть вещей Лебедева.

А может, какой-нибудь злой дух подкинул эти вещи Гомину?

Но вот жена Гомина, присутствовавшая при обыске, созналась, что виноват не злой дух, а злая воля Гомина и Авгуль.

Почему же судья Яковлева не «установила» кражи? Непонятно. Никому.

Прокурор Химкинского района, а вслед за ним и прокурор РСФСР опротестовали решение судьи.

Дело передано на новое рассмотрение — в нарсуд 3-го участка Химкинского района. Суд выносит приговор: признать обвинение доказанным.

Гомин и Авгуль решили попробовать счастья в других инстанциях. Подали кассацию в Московский областной суд. Там приговор утвердили.

Гомин и Авгуль решили ещё раз попробовать счастья. Тем более что счастьем для них является судебная волокита. Они подают жалобу в судебную коллегия Верховного Суда СССР.

Ключуло. Там случился докладчик вроде судьи Яковлевой. Не разобравшись толком во всех обстоятельствах дела, он своим заключением ввёл в заблуждение коллегия. И судебная коллегия, доверившись докладчику, определяет: «Считать обвинение недоказанным...»

Ну, конечно, они сейчас торжествуют — Авгуль с Гоминим. Возможно, что после такого успеха они собираются в «гости» ещё к кому-нибудь на дачу.

Нам кажется, что пора оказать этим гостям настоящее радушие:

— Чего вы стоите? Садитесь, пожалуйста. Садитесь...

А на какой срок, — это — уж дело суда.

Г. РЫКЛИН

ЗНАТОК

В. Сидельников — человек, тонко разбирающийся в поэзии. В этом нас со всей очевидностью убедила его статья «Поэтическое творчество московских рабочих», напечатанная в «Московском большевике» 4 ноября сего года.

Особенно нас порадовал следующий абзац: «Стихотворение работницы... Веры Разумовой рассказывает о верности девушки своему возлюбленному — моряку. Оно написано, очевидно, под влиянием стихов К. Симонова «Жди меня»

и является как бы ответом на них: «За меня, мой моряк, будь спокоен, — Я верна лишь тебе одному.

А веришься с победой, мой воин, Крепко, крепко тебя обниму».

Ну до чего прав В. Сидельников! Конечно же, стихи написаны под влиянием. Под огромным влиянием! До того огромным, что слово в слово, строка в строку списаны у В. И. Лебедева-Кумача из стихотворения «Без меня никого не люби».

МАЛЕНЬКАЯ ПОПРАВКА

15 октября удивлённые читатели газеты «Тревога» (редактор — М. Скобеев) были потрясены литературным открытием.

До сих пор мы полагали, что стихи «Москва! Как много в этом звуке для сердца русского слышится» принадлежит Пушкину. Однако газета авторитетно утверждает: «Порою кажется, будто специально для нас Михаил Юрьевич Лермонтов написал эти строки».

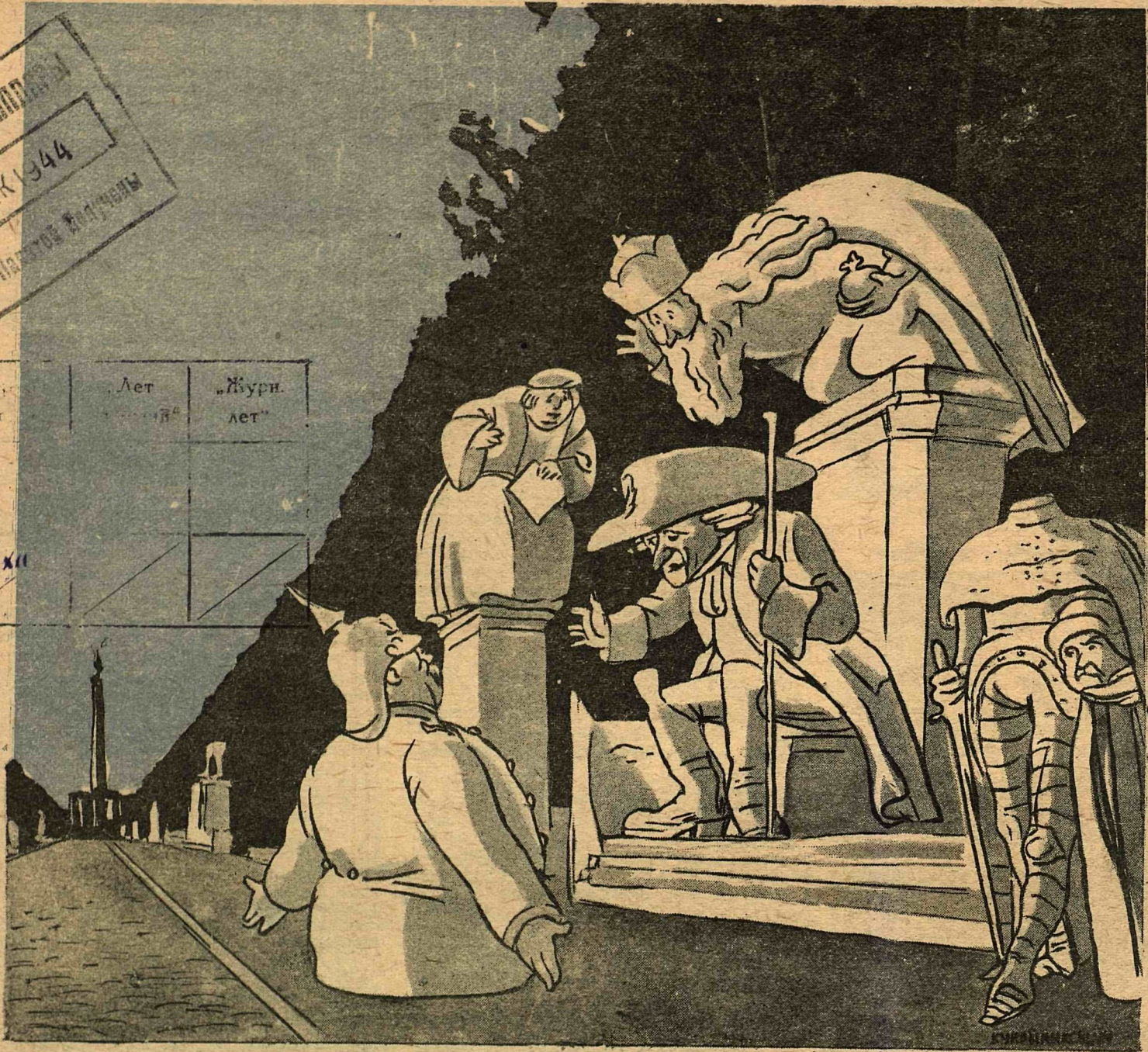
Товарищи из газеты «Тревога» глубоко заблуждаются. В русской классической поэзии есть другие строки, специально написанные для них:

«Полезно ль просеивать? Полезно, слова нет о том».

Но написал это не Михаил Юрьевич Лермонтов и не Александр Сергеевич Пушкин, а Иван Андреевич Крылов.

ВЕРНАТ. КУКРЫНИГСА
 13 ДЕК 1944
 Всес. №. Писем Кукрынигсы

Получ. в ред.	Лет	„Журн. лет“
Сдан в архив	14/11	

ФРИДРИХ II: — Этот ефрейтор окончательно спятил. Когда я был в его положении, я уже давно удрал из Берлина.

Дорогой Крокодил

(правда, на чужой площади) в доме № 20 по улице Коцюбинского.

Что же должен означать сей загадочный ответ? Хотел было я снова обратиться к тов. Лодягину за разъяснениями, да вовремя передумал: чего доброго, придётся потом снова обращаться к нему за новыми разъяснениями по поводу разъяснений на разъяснения.

В. ВОЛЬФСОН,
подполковник

Полевая почта 05834.

Дорогой Крокодил!

Д. Н. Мамин-Сибиряк имел неосторожность родиться в Висиме, Свердловской области, не согласовав предварительно своё появление на свет с местным исполкомом.

И вот теперь изволь висимскому исполкому расхлёбывать последствия легкомысленного поступка писателя. Изволь чтить память знаменитого земляка.

А как её чтить, если дом, в котором родился и жил Мамин-Сибиряк, медленно, но верно разрушается; если в библиотеке имеется всего лишь одна книжка писателя; если ни одно культурное учреждение, ни одна улица в Висиме не названа его именем.

Ах, как иногда было бы хорошо выбирать самому место своего рождения!

В. КУЗНЕЦОВ.

Висим, Свердловской области.

Уважаемый Крокодил!

Инспектор Воронцовского райнаробраза Резанова опубликовала в местной газете заметку, в которой Пузевская изба-читальня признана одной из лучших в районе.

А в этой лучшей, по мнению Резановой, избе-читальне и грязно, и неудобно — ни стола, ни стула.

Интересно: как же тогда выглядят просто рядовые избы-читальни? И ещё интересно: где именно Резанова писала свою заметку? Не в Пузевской ли избе-читальне? Если действительно там, то Резанову следует признать лучшим инспектором Воронежской области.

Р. СОЛОМАТИНА,
заведующая районной библиотекой,

А. ДУБИНКИНА,
директор Дома культуры

с. Воронцовка, Воронежской области.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

С некоторых пор я пришёл к странному, на первый взгляд, выводу: лучше всего на свои письма не получать никаких ответов.

Десятки писем послал я днепропетровским организациям с просьбой помочь жильём и топливом моим родителям, вернувшимся из эвакуации.

Пока все молчали, я был относительно спокоен, но стоило мне получить ответ заместителя председателя Днепропетровского горисполкома Лодягина — и я потерял покой. И было от чего: тов. Лодягин уведомил меня, что въезд моей семье временно не разрешён.

Как не разрешён? Ведь мои старики давно получили разрешение. Больше того: они давно прибыли в родной город. Они даже прописаны